

ВЕРНОСТЬ СЕРДЦУ

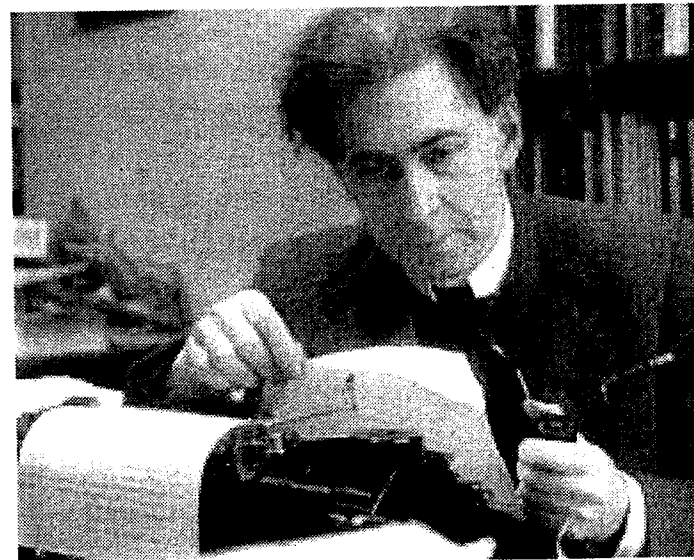
Окончание.
Начало в № 827

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ БЕЗ УПРОЩЕНИЙ

По словам Бориса Фрезинского особым даром Эренбурга была ярость, которую писатель мог выразить очень талантливо. Яростный дар Эренбурга-публициста в полной мере оказался востребованным в Отечественную войну, на которую он призвал и мобилизовал себя без остатка, отложив до окончания войны написание романов.

Перо Эренбурга превратилось в штык уже в первый день войны, когда пребывал в полной прострации Сталин, преступно просмотревший её начало.

Гитлер угрожал поймать и повесить Эренбурга, Молотов докладывал, что «один Эренбург стоит нескольких дивизий», а фронт и тыл с нетерпением ждали его статей. И это была двусторонняя связь. Ни у одного советского писателя не было в военное время такой фронтовой почты, как у Эренбурга. И он отвечал на каждое письмо.

Мы радуемся многообразию и сложности жизни, своеобразию народов и людей. Для всех найдётся место на земле. Будет жить и немецкий народ, очистившись от страшных преступлений гитлеровского десятилетия. Но есть пределы и у широты: я не хочу сейчас ни думать, ни говорить о грядущем счастье осво-

бождённой от Гитлера Германии - мысли и слова неуместны и неискренни, пока на нашей земле бесчинствуют миллионы немцев».

Написано это было в 1942 году, до перелома в войне.

Пусть невелико количество стихов, написанных Эренбургом в военные годы, но красочна их палитра.

От клокочущего гнева «Проклятия»:

«... Будь ты проклята, земля злодея, И твой Гитлер и твои аллеи, Чтоб ты поросла чертополохом, Чтоб ты почернела и засохла...»

и боли «Бабьего Яра»:

«... Моё дитя! Мои румяна! Моя несметная родня! Я слышу, как из каждой ямы Вы окликаете меня...»

мать тем, кто пережил то страшное время и чья память ещё не отболела от фашистских зверств.

Война, по определению, далека от гуманности, масштаб жестокости в той войне был навязан напавшей стороной. Во многих статьях Эренбурга есть страстный призыв к борьбе против вторгшихся фашистов, нигде - побуждения к вандализму или его оправдания.

Звучат лозунги смертельной схватки в «Оправдании ненависти»: «Смерть немецким оккупантам», «Смерть каждого немца встречается со вздохом облегчения миллионами людей», но и в ней же: «Не для того мы воспитали наших юношей, чтобы они снизошли до гитлеровских расправ. Никогда не станут красноармейцы убивать немецких детей, жечь дом Гёте в Веймаре или книгохранилище Марбурга... Мы хотим уничтожить гитлеровцев, чтобы на земле возродилось человеческое начало.

До лирически-трогательного «Романса»:

«... Скажу я любимой про доты, Про мины скажу, про войну, А может быть, слов не найдётся И только в глаза загляну. И будет в глазах её милых Знакомый мерцающий свет. Я вспомню тогда про копилку, Подругу неласковых лет...»

А вот строки, написанные в мае 1945 года. В них, за образом долгожданной Победы, одним из творцов которой был и он сам, есть и чувство незаслуженной обиды на апрельскую статью Александра в «Правде» («Товарищ Эренбург упрощает») и ещё - прозорливое предвидение послевоенных перемен в общественной жизни страны:

«... Я ждал её, как можно ждать любя, Я знал её, как можно знать себя, Я знал её в крови, в грязи, в печали. И час настал - закончилась война. Я шёл домой. Навстречу шла она. И мы друг друга не узнали.»

... Война вызвала небывалый духовный подъём сил сражающегося и побеждающего народа, породила колоссальный импульс надежд и ожидания лучшей жизни. Власть, как пишут с немалой долей цинизма некоторые современные русские историки, должна была запустить новый «мобилизационный проект», заменив советско-интернационально-космополитическую парадигму на русско-великодержавно-национальную. Борьба с «безродными космополитами» была первым проявлением этой смены курса.

Расстрелян Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК), а Эренбург

выжил, в январе 1953 года затевается «дело врачей», и в том же январе Эренбургу присуждают Сталинскую премию. Создано еврейское государство, событие, вызвавшее гордость и национальный энтузиазм у советских евреев, а Эренбург выступает в «Правде» с открытым письмом-ответом на вопрос некоего немецкого еврея, можно ли видеть в еврейском государстве разрешение еврейского вопроса, причём ответ Эренбурга однозначен: «Нет, нельзя. Его можно решить лишь повсеместным социальным и духовным прогрессом». Словом, много всего такого, что определённая часть интеллигенции готова вменить Эренбургу в вину.

Если суммировать обвинения, озвученные в фильме Гарином Заславским, то получится: пел хвалебные оды Сталину (статья Эренбурга «Большие чувства» к 70-летию вождя), единственный, кто остался в живых из разгромленного ЕАК, и вообще, «мотив, что у него всё не так, как у других», постоянно следует за ним всю его жизнь.

Мог ли значимый, востребованный и печатаемый автор при сталинском режиме вести себя иначе? Ответ здесь очевиден: таковы были правила игры, и им, хочешь не хочешь, надо было следовать. В то же время у Эренбурга была внутренняя черта, за которой все игры прекращались и переступить которую он не мог, свидетельство тому его поведение в процессе над Бухариным, другом и покровителем: по личному распоряжению Сталина, Эренбурга пригласили на процесс над Бухариным, после чего он должен был написать обличающую Бухарина статью в «Известиях». Эренбург пошёл на процесс, но от написания статьи наотрез отказался.

Из ЕАК Эренбург вышел в 1944 году, протеста против отправки Комитетом в США (без его ведома) материалов «Чёрной книги» - собранных им вместе с Василием Гроссманом свидетельств преступлений против еврейского населения на оккупированных советских территориях. Эренбург также был категорически против выдвинутой ЕАК идеи создания в Крыму Еврейской автономной области (равно как был против Биробиджана, считая его своеобразной формой еврейского гетто).

Джозуа Рубинштейн называет из уцелевших Василия Гроссмана и Давида Ойстраха. Были и другие. Вообще говоря, подход «погибли Эренбург в тех обстоятельствах, он был бы кристально чистым», грешит некоторой прямолинейностью. Погиб и Ицик Фефер, да смерть не смыла с него позора стукачества.

И СУДЬБЕ

Слева направо: Алексей Толстой, Константин Симонов и Илья Эренбург - военные корреспонденты на процессе

После расстрела ЕАК некоторые советские писатели, выезжавшие на Запад, распространяли ложь, что его члены живы-здоровы и продолжают трудиться. В числе их оказался и Эренбург. Застыгнутый врасплох вопросом о судьбе Ицика Фефера и Давида Бергельсона на импровизированной пресс-конференции в Лондоне в 1950 году, Эренбург ответил, что если бы с ними что-либо произошло, то это наверняка было бы ему известно. Ложь есть ложь, но скажи Эренбург правду, это уже никак не помогло бы уничтоженному ЕАК и повлекло бы уничтожение писателя и его семьи.

Статья «По поводу одного письма» от 21 сентября 1948 года написана по горячим следам приезда в Москву в начале сентября того же года первого израильского посла в СССР Голды Меир и бурного приёма, оказанного ей московскими евреями. Статья заказная, написана по просьбе «товарищей из Политбюро» Маленкова и Кагановича - напомнить советским евреям, какая страна является их Родиной, цель её - «утихомирить» еврейские национальные чувства, в большой мере предостеречь. Читая её, невозможно сказать, что она противоречила убеждениям и взглядам автора. Упрёк, очень притянутый за уши, один: Эренбург навязывал своё мнение тем евреям, которые смотрели на решение еврейского вопроса совершенно по-другому. Но допустим на минуту, что Эренбург написал статью, в которой призывал советских евреев к репатриации в возрождённое еврейское государство. Легко себе представить, что ждало бы Эренбурга, какую «свободу выезда» и в каком направлении предоставил бы сталинский режим советским

евреям. Характерен эпизод на приёме в чехословацком посольстве, где Эренбурга представили Голде Меир.

Эренбург притворился пьяным, начал скандалить, ругаться, что Голда Меир не может говорить по-русски... Присутствовал на этом приёме британский журналист Ральф Паркер, которого подозревали в сотрудничестве с НКВД. Он, собственно, и представил Эренбурга Меир. На приёме в албанском посольстве, где Паркера не было, в разговоре с членом израильской делегации Мордехаем Намиром Эренбург был более откровенен и прям: «Советские евреи не собираются совершать алию, и приехавшие израильтяне должны прекратить распространять среди них сионистские настроения».

Самое драматическое событие времён «смены национальной парадигмы» - «дело врачей», в сценарии которого присутствовало открытое письмо в «Правду» видных евреев, деятелей науки, культуры, искусства, которое, как предполагают, должно было послужить прелюдией, сигналом к массовой депортации евреев из европейской части Советского Союза. К чести Эренбурга, письмо это он не подписал. Напротив, единственный из еврейских деятелей лично написал Сталину. Очень хочется верить, что именно письмо Эренбурга Сталину изменило первоначальный замысел. Факты косвенно подтверждают это: последующее письмо в «Правде» имело совершенно другую тональность, и в течение месяца, от написания Эренбургом письма Сталину до самой смерти «отца народов» не произошло ничего трагического. Может, Эренбург, а может, история так распорядилась.

Во многих оценках, высказанных об Эренбурге, люди невольно дают оценку себе.

Прав был Евгений Евтушенко, когда сказал, что «сейчас гораздо легче судить Эренбурга, чем быть Эренбургом тогда».

Да, был Эренбург, который многое делал не в согласии с собой и, по его собственным словам, принимал участие в грандиозном заговоре молчания в сталинские годы, бывало, не раз озвучивал лживую советскую пропаганду и т. п. Но ведь был и другой. Помогавший не из корысти, а по зову души, сотням людей. Эренбург, навестивший в 1947 году опальную Ахматову, отказавшийся принимать участие в кампании травли Пастернака, подписавший письмо в защиту Иосифа Бродского и протестовавший против приговора Синявскому и Даниэлю. Эренбург, принявший в свою семью девочку-сироту Фаню, у которой фашисты убили всю родню и которой его дочь Ирина стала матерью. Эренбург, помогавший молодым литераторам, одним из которых был Наум Коржавин. Прилагавший немалые усилия к возвращению в русскую литературу советского времени изгнанных из неё Цветаевой и Мандельштама. Не без его участия был издан первый небольшой сборник Цветаевой в 1962 году, и только благодаря его усилиям увидел свет изданный на русском языке «Дневник Анны Франк», а затем дневник «советской

Михаил Кольцов

Анны Франк - Марии Рольникайте. Эренбург, автор «Хулио Хуренито», «Падения Парижа», «Бури» и многих других романов.

Эренбург, оставивший нам свою и эпохи исповедальную повесть, свои замечательные «Люди, годы, жизнь» - книгу, в которой он поделился своим драматичным и уникальным жизненным опытом и мимо которой, как сказал Борис Фрезинский, никогда не пройдёт читатель, который хочет понять и узнать наше не такое давнее прошлое.

Самсон КАЦМАН,
Бостон

LAKESIDE

ADULT DAY HEALTH CARE CENTER

ЭТО ДНЕВНОЙ САНАТОРИЙ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Пребывание в нашем прекрасном центре оплачивается программой Медикейд

LAKESIDE - это находка для пожилых людей с различными медицинскими проблемами

- ♦ У нас вы можете рассчитывать на заботу, квалифицированную медицинскую помощь, здоровое питание и транспорт, получить консультацию и помощь диетологов, медицинских сестер, социальных работников
- ♦ Работает кабинет физиотерапии
- ♦ В нашем центре вы можете принять участие в специальных программах для больных с плохой памятью, для глухих и лиц с ослабленным слухом
- ♦ Мы проводим экскурсии, концерты, лотереи, игры

У нас вы получите здоровое двухразовое питание

Звоните по телефону: (718) 688-8802